

Сольвычегодск

Рис. В. Беляева

Соль-Вычегодская

В. ХОЛОДКОВСКИЙ

Четырехмесячный путь подходил к концу... Тысячи километров томительной тряской дороги; скука арестантского вагона; дни, похожие на серые сумерки; и бесконечные ночи, освещенные желтым светом оплывшей свечи, — все это осталось позади. Позади — Баиловские казематы, гулкие коридоры московских Бутырок, пересыльные тюрьмы Вологды, Вятки: вся страна колоссальным этапом простерлась где-то там далеко, за спиной... А впереди предстала еще последний, пожалуй, самый трудный перегон: пешком из Котласа в Сольвычегодск.

Север встречал неприветливо. Февральский ветер кружил по дорогам колючую снежную пыль. Оловянное тусклое солнце отсвечивало на обнаженных шашках конвойных. И низко нависало над землей северное небо — хмурое, серо-сизое, цвета полицейской шинели...

В этот день — «...27 февраля 1909 года — административно-ссылный Иосиф Виссарионов Джугашвили прибыл в гор. Сольвычегодск, где и водворен на жительство с учреждением за ним надзора полиции», — доносил вологодскому губернатору уездный исправник Цивелев.

★ Сольвычегодск... Почти невероятным кажется, что триста—четыреста лет назад по всей стране и даже в заморские земли проникала молва про Соль-Вычегодскую.

Солью, железом, мехами торговал этот дальний северный городок. Сюда на знаменитую «соболиную ярмарку» съезжались купцы из Новгорода, из Москвы, из Астрахани и даже из далекой Кяхты. Торговые гости из Амстердама и Лондона являлись выменивать

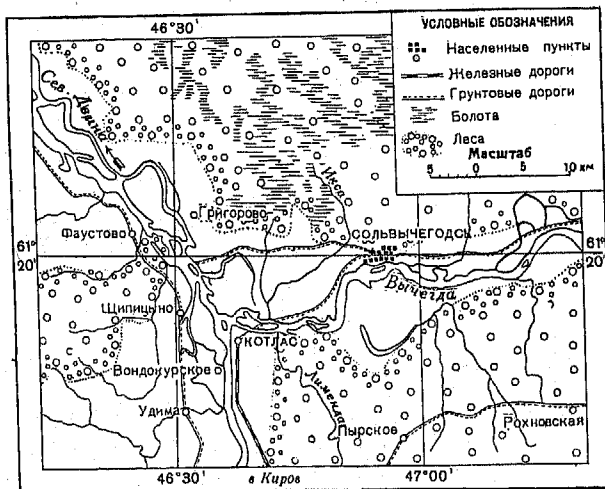
заморский товар на дорожную пушнину и мамонтовую кость. В Соли-Вычегодской процветали ремесла, торговля, промыслы, а с XVI века на протяжении целых двух столетий этот город оставался важнейшим экономическим и культурным центром всей северо-восточной окраины Московского государства.

Сколько лет этому древнему русскому городу? Вероятно, около 600. Время возникновения его в точности не известно. Историк Соли-Вычегодской, «природный помещик сего города» Алексей Ивацovich Соскин, пишет: «О начале населения сего города древность время закрыла, чего отыскать я нигде не мог».

Известно только, что уже в XIV веке существовал на берегах речки Усолки и Соленого озера посад Соли-Вычегодская, основанный жителями еще более древнего города Чернигова, что стоял на реке Вычегде, близ речки Черной, в трех километрах выше Соли-Вычегодской. Дорогу к затерянному в лесах Соленому озеру открыли... черниговские коровы: «Повадился скот

того рассолу, тут же и по природной своей натуре на те солонцы и озера всегда ходит и, напившись спал и тем скучал своим хозяевам, которые жители почасту на него ходили... Предприимчивые черниговцы — выходцы из Новгорода Великого — «начали вокруг того соленого озера строить для варения соли варницы с соляными трубами и промышленное селение, и с того времени стали те промысла умножаться». Так возник посад Соли-Вычегодская.

История возвышения Соли-вычегодска неразрывно связана с историей знаменитого купеческого рода Строгановых, некогда самых богатых людей на Руси. Они

являлись в посаде в конце XV века не то из Новгород, не то из Москвы. И, осев на берегах Солонихи (так называли посадские свое соленое озеро), положили начало целой династии солеваров и добытчиков пушнины.

Отсюда, из своего родового гнезда первые Строгановы управляли огромными угодьями, предприятиями, промыслами, держа все нити своих коммерческих и военно-грабительских операций. Из Соли-Вычегодской начинали они свое широко задуманное движение в Северо-Двинские и Пермские земли, в Сибирь. Их торговые связи простирались до Европы и даже Китая (известно, что Василий Строганов «бывал за отправлением купеческой коммерции в столичном городе Пекине»).

Для выполнения своих обширных планов Строгановы нуждались в живой силе. Поэтому они охотно принимали беглых, бездомных, «беспокойных» людей, которых много тогда скиталось по Руси. Недаром сложилась среди казацкой вольницы поговорка: «На Волаге жить — ворами слыть, итти на Янк — переход велик, в Казань итти — грозен царь, в Москву итти — перехватанным быть... Пойдемте мы в Усоляя, к Строгановым!».

Но не только беглые холопы и искатели легкой удачи стекались в строгановскую вотчину. На службе у Строгановых состояло немало сведущих иностранцев — врачей, мастеров, мореходов. Одни из них сами являлись сюда с предложением услуг, как, например, голландский солеварный мастер Ваня Дергун (Ван дер Гун), других привозили Строгановы; так, они выкупили из ярославской тюрьмы известного в свое время морехода Оливера Брюсея, просидевшего десять лет в заточении. Этот Оливер, по-солявычегодски — Алферий, ездил по поручению Строгановых в Антверпен вербовать искусных лодманов, строил на северной Двине корабли для ледового плавания, побывал на Вайгаче и Новой Земле в поисках северного морского пути в Китай.

Привлеченные молвой о щедрых строгановских заказах в Соли-Вычегодскую съезжались лучшие русские живописцы того времени, вроде «московских иконников» — Истома и Федора Савинных, Прокопия Чирнина и других. Здесь выработалась своя «строгановская школа» старо-русской церковной живописи. Безымянные мастера филигранного¹ и финифтяного² дела, неизвестно какими судьбами завезенного в Соли-Вычегодскую из Греции и из Китая, создавали непревзойденные шедевры. В этом городе жили и работали десятки талантливых резчиков, ювелиров, специалистов по «черни» (чернение по серебру), книгописцев, искусно выписывавших золотом и кинovarью замысловатые заставки.

Строгановские крепостные кружевницы и золотошвейки, теряя зрение и молодость в хозяйских светлицах, годами плели и вышивали свои хитрые и тонкие узоры. Безвестные строгановские водичне-самоучки ценой двадцати четырехлетнего упорного труда воодвигли замечательный, до наших дней сохранившийся солявычегодский собор — ценнейший памятник, народного творчества XVI века.

Так расцветала своеобразная северо-русская культура этого города.

...На берегах Солонихи дымят многочисленные варницы. Их насчитывается здесь до 90. Ежегодно в них вываривается по миллиону пудов соли. Кроме соленаренного промысла, в Соли-Вычегодской процветают и другие производства: железокузнечное, меднолентное, оловянное, чеканное. Солявычегодцы строят струги и льют пушки, красят холсты и дубят кожу... «На посаде у Соли» расположены казенные «избы»: судебная да таможенная, тюремный двор, два «царевых кабака». Город обнесен деревянными стенами с боевыми башнями и глубоким рвом. Отряд стрельцов составляет гарнизон этой крепости. В арсенале ее — «зеленом дворе» — хранится в погребах богатый припас пороха и

стоят наготове медные девятипудовые пушки, отлитые солявычегодским пушечным мастером Мокнем Гребешковым... А поодаль — двор главного начальства, присланного Московской воеводой.

И все же не он, не этот единственный в городе спесивый боярин в высокой горлатной шапке — истинный хозяин Соли-Вычегодской... По другую сторону Солонихи, на берегу Вычегды, в «Новом остроге», за высоким тыном с расписными воротами стоят обширные палаты с искрящимися слюдяными окнами, с двадцатисаженной башней «поваалушей» — это резиденция Строгановых.

Здесь, точно владетельные князья, в своем родовом замке, живут владельцы земли, на которой стоит город. Соляных богатств и всей округи до самого Котляса, со всеми лесами, полями, селами и людьми. Уже давно похолопнани Строгановы и окрестных крестьян и посадскую бедноту. Как это случилось? Об этом может рассказать дошедший до наших дней долговой документ — «служилая кабала»:

«Се яз Василий Захарьев сын Корнуион Соли-Вычегодские вольной человек, да со своею женою с Ориною Тимофеевой дочерью, да со своим сыном Никитой Васильевым занял есми... у именитого человека у Григория Дмитриевича Строганова десять рублис денег московских ходячих июня двадцети седьмого числа да вперед до срока в год до тако же числа сто семьдесят девятого году (т. е. до 27 июня 1671 года). И за те денги нам заимщикам... у него Григория Дмитриевича по дворе служити всякое дворное дело без ослушания. А полагат денги по сроку (то есть не будут отданы в срок) и нам заимщикам потому ж у него, государя своего, у Григория Дмитриевича по дворе служити по вся дни».

Так «за десять рублис» попадали в кабалу солявычегодские вольные люди. Известно, что при дворе Строгановых жило до трехсот дворных крепостных слуг и еще 3 тысячи других холопов находившихся при всяких работах и одной только Соли-Вычегодской. Они варили строгановскую соль пазали строгановскую дегтю, строили соборы «на память и на поминки» Строгановым, ходили походом на якутской и восточной, отдалая жизни за строгановские великие прибыли.

Особенно тяжела жилось «солонным прибалом» — работным людям строгановских солеварниц. Это про них сложилась пословица, что они «я русские работны, а цуренях² крепонны»: всю жизнь они проводили в дурных и чадных варницах, работая долго и поспешно. Припавшая, ходили они по дву еде нестерпящих «цуреней», ошная их от ржавчины; глаза их слезились и сапали от дыма и серных испарений, разведенные рассолом руки были покрыты нестерпящими волками. Это были поистине парии даже среди бесправных строгановских рабов. У них не оставалось даже чуждеческих имен — хозяева и приказчики называли их какими-то собачьими уничижительными кличками: «Кобала», «Сажка-Пуп», «Ванюка-Ковырай»...

Когда становилось невтерпим, солявычегодские холопы ударялись в бег. Они уходили от Строгановых «в зырян» — в глухие лесные дубраи; в Сибирь — «на новые земалицы» — в Поморье — на «Студеный ошлад». Их перехватывали, били батогами и возвращали на варницы. Если беглецы упорствовали, их валили железным железом, пытали на дыбе, поджигали за ребра... Застенок был тут же неподдавку от хозяйских хором. В подцерковье Благовещенского собора еще сегодня можно увидеть страшную «студную палату», в потолке которой торчат каменные ржавые кольца и крючья.

Вот историческое свидетельство, обличающее истинное назначение обширного подцерковья солявычегодского собора, — челобитный строгановского приказчика Афонки Русникова на Ивана Максимовича Строганова. В ней Русников жаловался царю, что Строганов его, Афонку, «заездил в колоды и железа из руки и из ноги и на шею чепь полтора пуда и приковал к стене и держал меня пять лет. От того Ивана насилила иконоц по-

¹ Ювелирное изделие из тончайших металлических нитей.

² Декоративная отделка эмалью.

¹ Из меха с шес и груди пушного зверя.

² Чан для вываривания соли.

И. В. Сталин. 1908 год

гибл. Да у него же Ивана людям его крепостным и крестьянам его чинятся многие напрасные смерти. В темнице сидят, в колоде и в железах тяжких. Сидят года по три, по четыре и больше и умирают от великого кроволития, от кнутяных побоев... Морят дымом и голодом. Уморен Семенка Шада, Ждан Оловешников, да Афанасий Шешуков в колоде и железах дымом уморены...»

Вся архитектура здания свидетельствует о тайнах прошлого: в толще двухметровых стен — внутренние ходы, соединяющие алтарь с чердаком и подперковьем; потайные двери, искусно скрытые за резным иконостасом; какие-то загадочные внутренние пустоты: может быть, здесь замуровывали клады? Или людей?!.. Вот глухая комната без окон, без дверей, без лестницы: как в нее попадали? Вот ступени, которые никуда не ведут... А внизу, глубоко в подперковье, за подклетьями, за «судной палатой» — страшные каменные мешки. Казематы, откуда невозможен побег. Могилы для заживо погребенных.

Здесь томилась, задыхались, сходили с ума, кричали звериным воем безвестные сольвычегодские жертвы. Умерших не выносили отсюда — они истлевали здесь же. И новый узник, брошенный в этот каменный гроб, падал ничком на рассыпающийся скелет своего предшественника.

Это — не домысел нашего воображения, это — история, подтвержденная «вещественными доказательствами»: незадолго до революции из подперковья Благовещенского собора было вывезено 9 возов человеческих костей.

Но иногда наступали дни, когда едкая, как рассол, человеческая мука переполняла сердце. На Солонихе вспыхивал бунт. Из варниц валом валил народ. Сосредоточенно, до смерти били приказчика. Убив, с сожалением скребли в затылке: хоть и поделом собаке, да

жаль — не того-де прикончили, вот бы до «самого» добраться!.. И вдруг, распалившись, размахивая жердями и дубинами, отправлялись толпой на другой берег, под самые стены мрачных хозяйских хором.

С высоты «повалуши» хозяин зорко следил за приближавшимися, готовясь к отпору. Во дворе уже топталась вооруженная строгановская челядь. А белые стены собора розовели от близкого зарева: то за речкой пылали подоженные варницы... Так начинались восстания сольвычегодских рабочих людей. Это случалось довольно часто и кончалось обычно кровавым усмирением.

Но иногда дело принимало опасный для Строгановых оборот. Однажды восставшие захватили крепостную пушку и палили картечью по хозяйским хоромам. Однако среди них не нашлось опытного пушкаря — после нескольких выстрелов пушку разорвало. В другой раз рабочие осадили строгановский дом и, закрыв все выходы, подожгли. Строгановым и на этот раз удалось ускользнуть от народной расправы: по подземному ходу они бежали из пылающего здания в собор. Оттуда их выручил воевода со стрельцами. Возмущение было подавлено, зачинщики схвачены, пожар потушен. Строгановы торжествовали победу. Чтобы покрыть убытки, накинули полкопейки на пуд. А на варницах появился новый приказчик, злее прежнего...

...С конца XVII века начинается закат Соли-Вычегодской. С городом не стаялось никакой стихийной беды — ни пожара, ни мора, ни наводнения. Просто жизнь постепенно отхлынула от него: с завоеванием Казани и Сибири торговый путь на Сибирь перекинулся к югу. На Каме открылись новые соляные залежи, более выгодные и удобные для эксплуатации, и Строгановы окончательно перенесли свою деятельность из старой сольвычегодской вотчины в Пермь.

Сольвычегодск XVIII столетия уже не прежний влиятельный хозяйственный и культурный центр; его торговля и промышленность захирели, административное значение от года к году падает.

В 90-х годах XVIII столетия Сольвычегодск окончательно превратился в захудалый уездный городок Вологодской губернии, без надежд на будущее, без воспоминаний о славном прошлом. Даже строгановские хоромы бесследно исчезли с лица земли: их неизвестно почему разобрали в 1798 году. И только в гербе города Сольвычегодска сохранились две серебряные солонки на красном поле, в память того, «что в оном городе в прошедшие времена многие соляные заводы имелись и на оных великоколичественная была вывариваема соль».

Эта цитата из гербовника звучит как надгробная эпитафия... Город умирал, а царское правительство впоследствии доканало его, обратив Сольвычегодск в место ссылки, в город-тюрьму.

Говорят, что еще Бенкендорф собирался упрятать сюда опасного вольнодумца сочинителя Пушкина (среди сольвычегодских чиновников упорно держался слух о существовании в местном архиве «дела о Пушкине»). Перевидал в свое время Сольвычегодск и разночинцев — шестидесятников, и народолюбцев. А после 1905 года, в дни разгула российской реакции, на 1700 жителей города приходилось временами до 500 ссыльных — чуть не четверть населения состояла под гласным надзором полиции!

Вся жизнь этого городка носила отпечаток полицейского режима. В лучшем здании — обширном барском доме с белыми колоннами, построенном в XVIII веке местным богачом Пьянковым, — находились присутственные места: казначейство, почта. Тут же в правом крыле помещалась тюрьма. А в левом — канцелярия уездного исправника, «хозяина» этого города ссыльных. Полицейская шинель заслонила собой и будущее, и прошлое этого города, существовавшего только словно для того, чтобы принимать сгоняемых сюда по этапу переломных людей страны...

Расположенный на отшибе, вдали от железной дороги и промышленных центров, в глуши вологодских лесов, Сольвычегодск жил точно вне пространства и времени.

Город не развивался, не рос — проходили годы, десятилетия, а пейзаж оставался все тем же: нелепого вида пожарная каланча, сотни три домишек («из них каменных 9» — добавляла энциклопедия), дюжина церквей и ни одной фабрики, ни одного заводика. Захудалый провинциальный городишко, быть может, один из самых грустных городов старой дореволюционной России.

... Так выглядел Сольвычегодск, когда сюда впервые пришел по втапу несгибаемый революционер-большевик, будущий вождь трудящихся всего мира, а в те дни политический ссыльный — Иосиф Виссарионович Сталин.

★

Это имя открывает собой новую страницу в летописях северного города. Оно делает его близким и дорогим не только для историка, археолога, искусствоведа, но и для каждого советского гражданина, для всего трудящегося человечества. Навсегда вошел в биографию великого человека этот маленький городок. И отныне люди не забудут, что здесь в этом городе жил, томился, боролся Сталин.

Дважды приводила его сюда судьба революционера-подпольщика, непримиримого борца с царским самодержавием.

Первая сольвычегодская ссылка товарища Сталина продолжалась 116 дней и от нее не сохранилось сколько-нибудь значительных архивных данных и воспоминаний. Едва ли не единственным историческим документом этого периода, которым располагает местный музей, является характерное и курьезное по безграмотной витиеватости донесение полицейского надзирателя Колотова о том, что:

«...политические ссыльные, состоящие под гласным надзором полиции в г. Сольвычегодске (следуют имена, и в числе их — Иосиф Виссарионов Джугашвили») 11 сего июня около 12 часов ночи имели намерение устроить собрание, имевшее место в лесу близ р. Вычегды в расстоянии от г. Сольвычегодска в 4 верстах, но достиг желаемой им цели не представилось возможности, так как замеченное их это движение тотчас же полицейскими стражниками Сухих, Ильиным, Соймоновым и Ануфриевым было остановлено...»

Четыре усердствующих стражника могли конечно «за-стукать» в лесу небольшую группу ссыльных. Но никакие стражи, включая самого исправника Цивелева, этой «обер-гадины», по определению кого-то из ссыльных, не смогли разгадать и пресечь «намерение», видимо, уже созревшее к тому времени в уме недавно прибывшего в город ссыльного Джугашвили. Через 12 дней после несостоявшегося собрания исправник Цивелев растерянно доносил по начальству, что «...крестьянин Тифлисской губернии и уезда села Тидивили (исправник в огорчении даже переврал название села) Иосиф Виссарионов Джугашвили скрылся из места водворения г. Сольвычегодска 24 июня 1909 года».

Остановить «замеченное движение» не удалось, и товарищ Сталин благополучно вернулся в Баку.

Бакинская полиция не сразу раскусила, кто такой Ованес Тотомянц (по такому паспорту проживал тогда товарищ Сталин). Но 23 марта 1910 года он все же попался ей в лапы.

«Прошу не отказать уведомить меня, не встречается ли надобности в названном лице и как надлежит поступить с задержанным?» — запрашивало бакинское жандармское управление вологодского губернатора. Обращенный губернатор спешно отвечал: «Подлежит ссылке в Вологодскую губернию для отбывания определенного ему постановлением Г. Министра Внутренних Дел двухгодичного срока...» «Будет выслан с первым отходящим втапом», — браво отрапортовал бакинский полицмейстер.

Был на исходе октябрь 1910 года, когда перед Сталиным снова открылся знакомый сольвычегодский пейзаж: низкие, посереженные от ненастья крыши городка, вдалеке тусклое зеркало озера, уже подернутое холодным дыханием осени, грязные улицы, убогие домишки... В белом доме с классической колоннадой исправник Цивелев рассказывал по своему кабинету, удовлетворенно потирая руки. На письменном столе уже лежало за-

готовленное постановление «О привлечении к ответственности за самовольную отлучку по ст. 63 Устава о наказаниях» сбежавшего и возвращенного поднадзорного Джугашвили. Исправнику оставалось только отослать по начальству свое стереотипное «прибыл и водворен».

На этот раз «водворение» оказалось более прочным и длительным. Исправник удвоил свое полицейское усердие. Он окружил ссыльного Джугашвили и гласным и негласным надзором. И тем не менее не прошло трех месяцев, как из Вологды начал поступать запрос за запросом. Из них Цивелеву стало ясно, что он, мягко выражаясь, несколько опростоволосился. Оказывается, что под носом у ничего не подозревающего исправника гнездится сушая крамола: идет тайная революционная переписка, кто-то получает нелегальную литературу, кто-то собирается бежать из ссылки... Так, по крайней мере, утверждал начальник вологодского жандармского управления полковник Штольценбург:

«По полученным мною агентурным сведениям, — писал он «совершенно секретно, лично» исправнику Цивелеву, — в г. Сольвычегодске политическим ссыльным по нижеследующим адресам.. высылается из-за границы нелегальная социал-демократическая литература.

Имя, отчество (или фамилия) последнего адресата, проживающего в доме Григорова, Николая Александровича Вознесенского, начинается начальными буквами «К. С.» (Иванович). Он, повидимому, нителлигентный.

Срок ссылки ему, считая с 1 января, оканчивается через шесть месяцев. Он может до истечения срока надзора скрыться из ссылки (31 минувшего декабря находился в г. Сольвычегодске).

В виду изложенного прошу установить негласно личность названного ссыльного, проживающего в д. Григо-

№ 1903

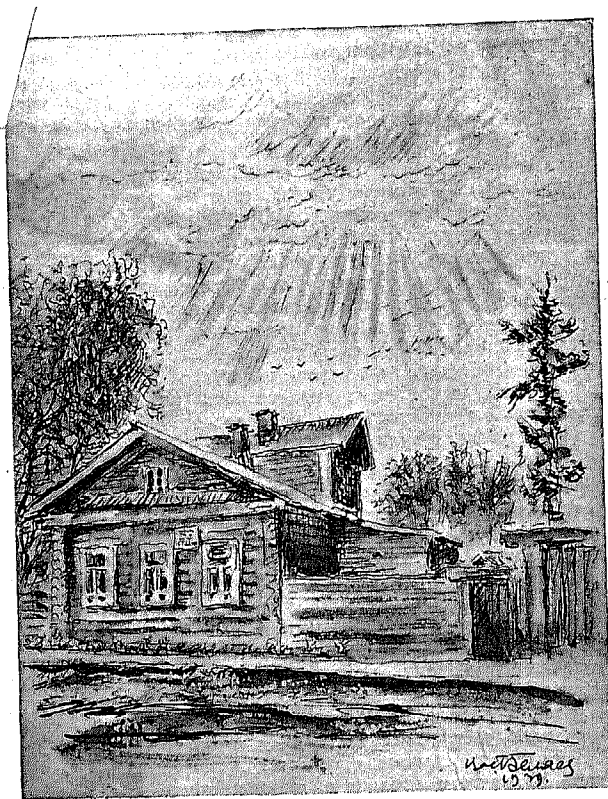
КАНЦЕЛЯРИИ
НАЧАЛЬНИКА
Вологодской губернии
3 О Т О Л А

Д В Л О

По отношению Департамента Полиции в Москве
надъ гласный надзор полиции в Вологодской
губернии *ссылки Иосифа Виссарионовича
Джугашвили*

Соб. Виссарионович

НАЧАЛОСЬ 16 октября 1910 года
КОНЧИЛОСЬ 8 декабря 1910 года

Дом Григорова, где жил тов. Сталин. Сейчас здесь Сольвычегодский музей И. В. Сталина
Рис. В. Белыева

рова «К. С.» (Иванович), и учредить за ним тщательное наблюдение для выяснения его связей и сношений. А также выяснить лиц, на имя которых высылается по вышеуказанным вымышленным адресам преступная литература...

Целый месяц ошарашенный Цивелев молчит. Вологодский жандарм вторично шлет ему запрос. Наконец, еще через неделю исправник отвечает... Смущенно, немножко невпопад, без обычной гладкости стилиа он мямлит, что корреспонденция из-за границы ранее-де действительно получалась, «но кто таковую получал, — не добыто этих сведений... В доме Григорова никто теперь не прожи-

Комната тов. Сталина в доме М. П. Кузаковой
Рис. В. Белыева

вает, а раньше жившие ссыльные последнее время нельзя полагать чтобы на имя их нелегальное разведке только присылалась корреспонденция»...

Получив этот полицейский лепет, жандармский полковник, рассерженный кратким письмом, требует сообщить срочно — «кто из ссыльных... ранее проживал в д. Григорова и когда именно, с указанием, где в настоящее время они квартируют, кому из этих ссыльных срок надзора считая с 1/1 с. г. оканчивается через 6 месяцев?»

Перед нами — вся жандармская переписка. Теперь картина ясна. Переписку затеял, оказывается, даже не вологодский жандарм Штольценбург, а сам департамент полиции, конфиденциально сообщивший, что в его руках находится некое письмо...

Это было ныне хорошо известное письмо Сталина «Товарищу Семену», т. е. Ленину за границу, написанное Иосифом Виссарионовичем из Сольвычегодска в самый канун 1911 года. Письмо целиком одобряло ленинскую линию беспощадной борьбы против ликвидаторов и примиренцев всех мастей, борьбы за укрепление партийного единства. «...Действовать придется неуклонно и беспощадно, — пишет тов. Сталин, — не боясь нареканий со стороны ликвидаторов, троцкистов, впередовцев... Так я думаю о работе в России.

Теперь о себе. Мне остается 6-месяцев. По окончании срока я весь к услугам. Если нужна в работниках в самом деле острая, то я могу сняться немедленно...» (Далее следует просьба о присылке литературы). Подписано письмо «К. С.»

Это письмо, в частности, предложение «сняться немедленно», и наделало описанный выше переполох в жандармских сферах. В конце концов исправник Цивелев взял в толк, чего от него требуют, и высчитал, что «через 6 месяцев с 1 января» истекает срок никому иному, как ссыльному Джугашвили, который действительно жил одно время в доме Григорова. Автор перекресточного письма был открыт, и сольвычегодскому исправнику было строжайше предложено:

«Усилить наблюдение за Джугашвили и принять меры к воспрепятствованию ему побега из-под надзора полиции».

10 января 1911 года — так значится по старой домашней книге — Иосиф Виссарионович переехал из дома Григорова (где ныне музей товарища Сталина) в маленький домик напротив, принадлежавший М. П. Кузаковой.

Здесь протекала и закончилась его вторая сольвычегодская ссылка.

★
Когда вам случается перелистывать пожелтевшие документы прошлого, вас охватывает своеобразное чувство исторической подлинности. Во сколько же раз острее это волнующее ощущение, если перед глазами внезапно воскресает не память о прошлом, а само прошлое во всей его вещественной, осязаемой реальности.

Стук калитки. Двор. Мостки, занесенные снегом... Как часто проходил он здесь в те дни... И также скрипел под ногами снег... И день был такой же, как нынче — хмурый. Медленно, считая ступени, мы всходим на невысокое крыльцо, минуем сени, крошечную темную переднюю, вот еще сюда, налево, и мы — у него!

Бревенчатые темные стены, беленый потолок, большая, тоже беленая, печь. Ее только-что затопили — в полуоткрытые дверцы видно, как, разгораясь, бушует в топке веселое пламя.

Против печки, налево от входа — кровать, простая, деревянная, жесткая. За ней вдоль той же стены — диван с высокой спинкой и старенькой потертой обивкой. Перед диваном два кресла и стол, покрытый ветхой зеленой клеенкой, на столе керосиновая лампа, и кажется, что она еще вчера вечером горела, даже стекло с одного бока слегка закопчено...

Все в этой комнате представлено в том же виде, как было 28 лет назад. И диван, и лампа, и маленькие круглые столики, вперемежку со стульями заполняющие углы и простенки, и комнатные растения в кадках у окон. Разве только аспарегус с тех пор разросся и вытянулся своими бледнозелеными стеблями до соседки-

пальмы, а темный плющ уже переполз до другого окна и повис, отражаясь в зеркале.

Гипсовая собака — большая, белорыжая, ушастая — сидит под зеркалом на столе. Так же неподвижно сидела она на этом самом месте и тогда. И так же трещали дрова в печке... В долгие зимние вечера он, вероятно, не раз сиживал перед огнем, уйдя в свои мысли. В такие минуты тесной казалась сольвычегодскому узнику эта комната, этот маленький городок:

...«У нас здесь душно без дела, буквально, задыхаюсь» — писал Иосиф Виссарионович в одном из своих сольвычегодских писем (Москва В. С. Бобровскому, от 24/1 1911 г.).

Он жаждал дела и умел находить его везде (даже в тюрьме и ссылке). И здесь в Сольвычегодске товарищ Сталин не прекращал революционной работы.

Уже к середине декабря 1910 года он устанавливает связь с Яренской группой ссыльных социал-демократов, состоявшей из 16 человек, и организует ее на платформе большевистских требований. В резолюции «О задачах партийной работы», принятой яренскими ссыльными и персланной через Вельтмана (Павловича) в Париж Ленину, явственно чувствуется большое влияние Сталина.

Весной 1911 года товарищ Сталин вместе с И. М. Голубевым и другими политическими ссыльными организовал в Сольвычегодске социал-демократический кружок. Участникам кружка удавалось проводить собрания, где читались рефераты, обсуждались текущие политические вопросы и т. д. Эта нелегальная революционная работа не ускользнула от внимания полицейских ищек. Между Вологдой, Москвой, Петербургом опять завязывается тревожная переписка:

...«По полученным агентурным сведениям Джугашвили совместно с другими ссыльными стремится организовать в г. Сольвычегодске социал-демократическую группу»...

«В гор. Сольвычегодске Джугашвили занимает видное положение среди ссыльных, предоставляя свою квартиру для сходок»...

«Проживающие в г. Сольвычегодске социал-демократы... стали устраивать собрания по несколько человек в квартирах Голубева, Джугашвили, Шура, а иногда и у Петрова... Цель этих собраний — подготовка опытных пропагандистов среди ссыльных».

Надо принимать меры!.. Филеры стали чаще заглядывать в окна. Иногда, стуча сапожищами, проходил на кухню городской справиться у хозяйки — дома ли квартирант, что делает?.. А вскоре в одну темную мартовскую ночь к тов. Сталину пожаловал и сам уездный исправник.

«1911 г., марта 18-го дня, я, сольвычегодский уездный исправник В. Цивелев, во исполнение поручения Начальника Вологодского Губернского Жандармского Управления от 14/III за № 1598, в присутствии нижеподписавшихся понятых, прибыв в дом Кузаковой, в квартиру, занимаемую политическим ссыльным, крестьянином Иосифом Виссарионовым Джугашвили, в 5 часов утра, объявил о цели своего прибытия и приступил к обыску, по которому оказалось...»

Но тут-то и получился конфуз... Цивелев рылся, перетряхивал книги, переворачивал каждый клочек. Сопровождавший его стражник добросовестно лазил под кровать, под диван, осмотрел печку, заглянул даже за чем-то в кактус. Понятые тупо сидели, разложив пятерни на коленях... Хозяйки комнаты молча стояла в стороне, насмешливо наблюдая тщетную возню.

В 6 часов утра Цивелев сдался. С разочарованным видом он дописал протокол обыска:

«по которому оказалось: в помещении, занимаемом Джугашвили, ничего противоправительственного не найдено».

Через месяц он повторил свой визит — с таким же результатом. Поутру хозяйка испуганно спрашивала:

— Что нашли у вас, Иосиф Виссарионович?

— У нас, Марья Прокофьевна, не найдут! — лукаво улыбаясь, отвечал товарищ Сталин.

Уже близился к концу срок ссылки. И Цивелев торопился устроить своему поднадзорному еще хоть одну

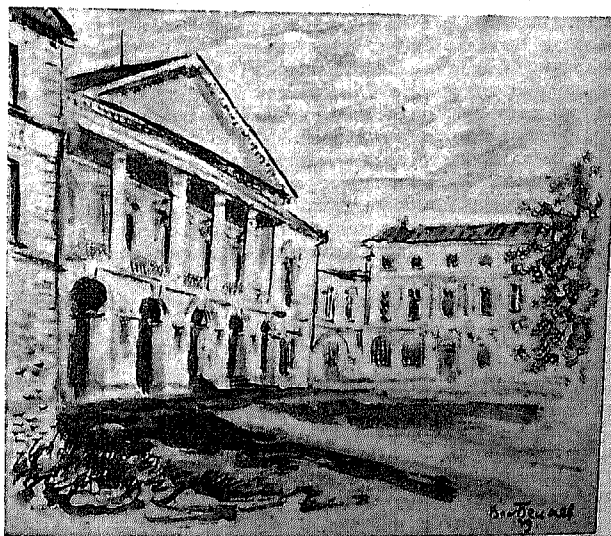

Набережная Вычегды

Рис. В. Беллева

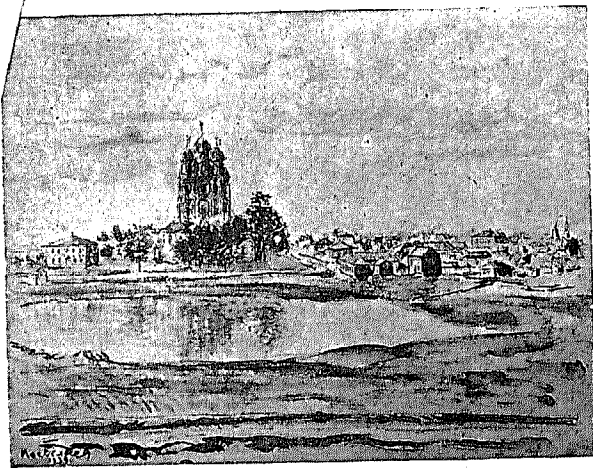
«прощальную» неприятность. В ответ на свой очередной донос насчет незаконных «сходбищ», устраиваемых некоторыми сольвычегодскими ссыльными, он получил постановление вологодского губернатора «о выдержании гласноподнадзорного Джугашвили под арестом при полиции в течение трех суток». 23 июня в 3 часа дня тов. Сталина отвели в полицейский участок, где он просидел до трех часов дня 26 июня.

А 27 июня «за окончанием срока высылки» Цивелеву пришлось не без явного сожаления вручить товарищу Сталину проходное свидетельство за № 120 на свободный проезд из Сольвычегодска в город Вологду. В

Сольвычегодский курорт, санаторий № 2

Рис. В. Беллева

СОЛВЫЧЕГОДСК. Солониha
Рис. В. Беллева

СОЛВЫЧЕГОДСК. В центре города
Рис. В. Беллева

приложенном маршруте указывалось, что «предъявитель сего свидетельства обязан следовать до г. Вологды безостановочно прямым путем на пароходе», что в пути он под страхом немедленного возвращения в Сольвычегодск «не имеет права уклоняться от маршрута и останавливаться где бы то ни было», а по приезде в Вологду обязан в течение 24 часов лично предъявить проходное свидетельство в полицию.

6 июля 1911 года Иосиф Виссарионович покинул Сольвычегодск. Теперь уже навсегда.

...С тех пор прошло почти три десятка лет. Сольвычегодские мальчуганы, когда-то игравшие с местными ссыльными в крокет на городском пустыре, превратились в отцов семейств. Состарились хозяйки, у которых стояли на квартире «гласноподнадзорные» обитатели городка. А старики поумирали.

Уже нет на свете лесничего Шокурова и земского ветеринара А. А. Крапина, у которых бывал в доме товарищ Сталин. Старожилов, анавших Сольвычегодск времен царской ссылки, осталось немного. Но воспоминания о пребывании здесь товарища Сталина еще свежи. В памяти некоторых сольвычегодцев живо сохранился образ худощавого смуглого человека в черном демисезонном пальто и мягкой черной шляпе. Они вспоминают места, где встречали его: вот тут была библиотека, постоянным читателем которой он состоял, там чайная Ольги Кузьминичны, где часто бывали ссыльные... Горожане рассказывают, как тепло относились к политическим ссыльным трудовое население городка, передовая интеллигенция, крестьяне из ближних сел. У молочниц бывали свои «поликаны», которым они носили молоко подешевле. Многие ссыльные жили коммунально, и крестьяне, зная это, охотно и по «божеским ценам» снабжали их провизией.

— Бывало, настреляешь дичи в лесу и тащишь прямо к ссыльным, — вспоминает старик Михайлыч, сторож Сольвычегодской школы лесного ученичества. И, помолчав, добавляет не без гордости: — Доводилось встречаться и с товарищем Сталиным — я ему все зайцев носил...

На днях в городском клубе демонстрировалась картина «Ленин в 1918 году». Когда на экране появился Сталин — еще молодой, черноусый, в первых рядах кто-то ахнул и громко сказал:

— Марья Прокофьевна, смотрите, смотрите — как ест он самый!

И Марья Прокофьевна Крапина, вдова сольвычегодского ветеринара, закивала головой:

— Совсем, ну совсем такой... — растроганно говорила она соседу.

Вечером дома, в той самой комнате, за тем самым столом, где Иосиф Виссарионович не раз сиживал, Марья Прокофьевна, оживленная и помолодевшая, делалась с нами воспоминаниями:

— У нас в городе тогда два клуба было — один, так сказать «аристократический», а второй попроще — демократический, в том доме, где сейчас почта помещается. Туда ходили мелкие служащие, земские, народные учителя, врачи. Ну и ссыльных, конечно, там много бывало. Полиция туда не заглядывала: там был свой «наблюдатель» — мелкий чиновник Ушаков, пьяница горький. Мой муж-покойник (он был одним из заправил этого клуба) нарочно его всякий раз подпавал — глядишь, а Ушаков уже раскис и уснул где-нибудь в уголке. Без него все себя, конечно, чувствовали непринужденнее... Молодежь (у нас много ссыльных студентов было) танцы затеет. А кто в карты засядет — играли все больше в «тришку»... Между прочим, вспоминаю, слышала я от мужа, что кому-то из ссыльных он однажды за картами в виде «выигрыша» передавал деньги, собранные на побег.

В этом клубе я тоже часто встречала товарища Сталина... Как сейчас вижу: станет, бывало, в дверях буфетной комнаты и смотрит на танцующих... А рука у него правая вот так на груди.

И Марья Прокофьевна повторяет знакомый всем характерный сталинский жест.

Когда над Сольвычегодском опускается глухая осенняя ночь, крошечная тьма проглатывает невзрачные неосвещенные домики, ветхие мостки словно сами уходят из-под ног; лишь смутно белеют, умолкнувшие древние колокольни. Изредка вдалеке вдруг мелькнет крохотный огонек и поплывет, раскачиваясь: опытные сольвычегодцы ходят по улицам с фонарем.

Уличных фонарей — или, как их уклончиво называют в горкомхозе, «световых точек» — в городе всего четыре. В городе одна мощеная улица. Нет ни водопровода, ни канализации. Нет даже городской бани. А ведь город с большим историческим прошлым, город, где жил великий Сталин и где сохранились такие революционные реликвии, как его подлинная комната, — такой город стоит более бережного, более внимательного, более культурного отношения. Он незаслуженно забыт и непозволительно запущен.

Лишь с 1931 года начался новый подъем Сольвычегодска, но какой трудный и медленный...

В 1932 году там открылись механические мастерские с кузнцей, с литейным цехом. Это было за последние полтора года первое в городе промышленное предприятие. Вместе с промышленностью родилась и первая маленькая электростанция. За механическими мастерскими появились ремонтные мастерские МТС, маслозавод и мельница, ряд небольших кооперативных предприятий.

Лишь в последние годы второй пятилетки в городе появилось звуковое кино, телефон, радио. Расширена.

городская больница, открылись ясли, детский туберкулезный санаторий, молочная кухня. В городе есть музей, есть своя маленькая картинная галерея, где имеются и Репин, и Айвазовский, и Нестеров, и Левитан.

В городе есть полная и неполная средние школы. Педагогический техникум. Районная колхозная школа и школа тракторных бригадиров. Школа лесного ученичества. Маленький городок сам выращивает необходимые для района колхозные и лесопромышленные кадры.

Все это — новые и отрядные черты в облике старого города. Но будущее Сольвычегодска, его второе рождение начинается там же, где началось его прошлое: на Солонихе... Еще в далекие строгановские времена замечено было, что вода из колодцев Соленого озера помогает от ломоты в костях. Ближайшие соседи Солонихи — монахи Введенского монастыря — неплохо торговали в свое время пузырьками со «святой» целебной водой. Позднее некоторые земские врачи лечили ревматизм ваннами из соляных источников; возник было даже проект о создании в Сольвычегодске курорта, но мешане из уездной управы только руками замахали: «Выдумают тоже. Сольвычегодск — и вдруг курорт». Тем временем большинство старых строгановских колодцев — скважин разрушалось и засорялось; остальные, говорят, велел засыпать городской голова Чевыкалов, чтоб крестьяне не пользовались самоочиною рассолом для выварки соли: голова сам торговал солью и не хотел иметь конкурентов.

Советская власть осуществила то, что казалось утопией: в 1923 году в Сольвычегодске открылся курорт. Пробурены новые скважины, дающие огромный дебит минеральной воды (33 литра в секунду). По своему составу сольвычегодские воды относятся к типу хлоридно-натриевых и хлоридно-сульфатных (питьевых) источников. Они богаты иодом и бромом и далеко превосходят своей силой известные источники Старой Руссы.

Воды Соленого озера содержат не только соль, но и сероводород и притом в таком количестве, которому может позавидовать Пятигорск. А дно Солонихи выстлано толстым пластом целебной серной грязи, ничем не уступающей знаменитым Сакским и Майнакским грязям.

Таким образом Сольвычегодский минерально-грязевой курорт — целый «лечебный комбинат», обладающий ценнейшим сочетанием различных лечебных свойств. Здесь лечат — и притом весьма успешно — ревматизм, всякого рода невроты и травмы, желудочно-кишечные заболевания, сердечно-сосудистые, кожные, женские болезни. В Сольвычегодск приезжают больные со всего Севера — из Вологды, Архангельска, Ленинграда и Карелии. Все чаще появляются здесь и москвичи, харьковчане. Курорт размещен в двух санаториях: один — в кельях бывшего Введенского монастыря, другой — в здании

бывших присутственных мест там, где помещались исправник Цивелев, тюрьма, казначейство; в бывших одиночках — сейчас бельевая, в тюремной церкви — курортный клуб и лучший в городе зрительный зал.

Сольвычегодск — это будущая «Северная Магистраль». И чем скорее Сольвычегодский курорт будет превращен в курорт всесоюзного значения, тем скорее наступит расцвет нового социалистического Сольвычегодска. Развитие курорта неизбежно повлечет за собой и культурный и экономический рост города, изменит его внешний облик, ныне весьма неказистый.

Поворот к этому лучшему будущему уже наступил: с января 1939 года Сольвычегодск снова стал самостоятельным районным центром. И это уже дает себя чувствовать: горсовет вымостил главную улицу — ул. Сталина, в саду им. К. Маркса весной посадил 300 тополей, разбили цветничок, построили летнюю сцену и танцевальную площадку; в городе начался капитальный ремонт домов.

1940 год обещает Сольвычегодску новую большую школу, 2 новых дома, клуб со зрительным залом, баню, столовую, спортивный городок...

— Кроме того, на благоустройство у нас ассигновано на 1940 год 60 000 рублей. Андрей Иванович Поляков, председатель Сольвычегодского городского совета, подходит к окну и показывает на площадь.

— Вон видите, церковенка тут была. Сломать сломали, а убрать не убрали. Так и лежит куча мусора уже который год... Мы решили кучу ту убрать и этим же щебнем все низкие места и лужи засыпать. Выравниваем площадь, цветы посадим около памятника Ленину.

А «гостинный двор» наш придется разобрать — это какая-то свайная постройка, а не торговые ряды. Вме-

сто них вон там рынок построим. Для этого надо будет площадь в порядок привести. Ну что еще? Вот с весны начнем озеленяться: на улице Сталина посадим деревья. Будем еще дома ремонтировать, мостки чинить. К планировке приступаем, а то даже неловко — город существует, а плана у города нет. Неизвестно, куда расти.

А расти надо. Район ведь! Населения у нас пришло: по переписи — около 3 тысяч человек значится, а работает в городе тысячи 4. Значит: четверть городского населения по окрестным селам живет. Многие перебираются поближе, прямо с домами переезжают. У нас уже целые новые улицы образуются — 2-я Пролетарская, к примеру, или продолжение Усольской...

С будущего года расширятся сольвычегодский радиоузел и телефонная станция. В городе начала выходить собственная газета. Называется она «Сталинский путь».

Знаменательное название: через Сольвычегодск когда-то проходил путь героической сталинской жизни; сталинским верным путем идет Сольвычегодск навстречу своему будущему.

В сольвычегодских лесах.

Фото В. Ковригина